

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Лю Юаньюань на тему «Творчество И.А. Бунина и его рецепция в Китае – социальные, эстетические и философские аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Сразу отметим, что тема диссертации и масштаб вовлекаемого в нее материала свидетельствует о стремлении автора выйти на новый, контекстно более широкий уровень восприятия творчества И.А.Бунина в китайской читательской аудитории. Не ограничиваясь рамками литературоведческого опыта, Лю Юаньюань стремится осмыслить китайскую рецепцию И.А.Бунина как культурно-политический феномен, ставший «своеобразным инструментом, обеспечивающий регулирование государства в различных сферах культурной жизни общества» (дисс., с. 9). Основание для такого восприятия диссертант видит в том, что, благодаря органическому образному синтезу восточных религиозных учений с космистскими устремлениями писателя, в его творчестве «сформировалась особая философско-художественная модель Востока, противостоящего Западу и являющаяся фактором преобразования человечества на пути к духовному совершенству» (дисс., с.13). Таким образом, эстетический феномен рецепции произведений И.А.Бунина в Китае становится столь значимым, что Лю Юаньюань рассматривает его как инструмент государственной политики в области литературы и искусства, как «мягкую силу», аккумулирующую и продвигающую необходимые Китаю «культурные и нравственные ценности».

Такой подход к творчеству И.А.Бунина нельзя не признать значительным, новым и продуктивным в нынешних межкультурных

взаимодействиях России и Китая. И потому новизна и актуальность диссертации Лю Юаньюань представляются вполне обоснованными.

Реализуя столь масштабный замысел, соискатель последовательно формулирует цель, задачи, защищаемые положения, в которых подробно излагает содержание своей научной концепции, ее аргументацию и способы анализа. Намерение Лю Юаньюань показать превращение произведений И.А.Бунина в «мягкую силу» государственной культурной политики очень впечатляет и увлекает. В силу широты поднимаемой проблематики особенно интересен избранный для исследования материал конкретных произведений, поскольку именно в нем мы можем обнаружить непосредственные художественные примеры слияния духовно-религиозных ценностей, которые ищет автор диссертации. Было бы не лишним уточнить его материал в объекте диссертационного исследования.

Следует согласиться с мнением соискателя, что проблема влияния творчества И.А. Бунина на китайскую литературу далеко не исчерпана и имеет научную перспективу. Исследование Лю Юаньюань уже само по себе замечательно подтверждает эту мысль. Позволим себе небольшой комментарий к утверждению о «не изученности влияний восточной мысли на культуру России». Налаживание культурных связей с Востоком восходит к XV веку. Если говорить о Китае, то российское культурное внимание к нему насчитывает не менее двухсот лет, начиная, как минимум, с государственного интереса к конфуцианству у Екатерины II и написанных ею сказок, где она уподобляет себя китайскому философу. Можно вспомнить китайский ландшафтный дизайн в Царском Селе, футуристический роман Вл.Ф.Одоевского «4338-й год: Петербургские письма», горячую увлеченность Китаем А.С.Пушкина и многое другое. Более того, сама Лю Юаньюань утверждает, что «<...>идеи буддизма <...>, дополняющие конфуцианство и даосизм, имели в России уже в более ранние периоды развития своих последователей <...>» и в комментарии отмечает, что «со второй половины

XIX века российские востоковеды и буддологи провели большую исследовательскую работу» (дисс., с 32).

В первой главе диссертации, где представлены две гипотезы китайской культурной экспансии, отправное значение имеет мысль о том, что «мягкая сила» Китая, основанная на идеологии «китайского буддизма», оказала влияние на идейно-философское содержание и образность ряда рассказов И.А.Бунина конца XIX – начала XX века. В них, как полагает соискатель, это влияние было сначала опосредованным, воспринятым И.А.Буниным в творчестве Л.Н.Толстого, А.П.Чехова и особенно в русском космизме, который «поддерживался» и «популяризировался» Китайской Империи. И непосредственным, - в период восточных путешествий. Среди доказательств особый интерес вызывает история восприятия буддизма русскими мыслителями и художниками, немалая часть которых была действительно увлечена буддийской духовной мистикой, ярко отразившейся и в философии, и в искусстве. Автор диссертации права, роль буддизма в духовных исканиях и философско-художественной практике русской культуры не вызывает сомнений. Критически или положительно воспринятый, буддизм, бесспорно, способствовал расширению культурного и художественного сознания в России.

Исследование Лю Юаньюань, начинает звучать по-новому и дискуссионно, когда она раскрывает причинно-следственные связи между «популяризацией русского космизма в России со стороны Китайского государства» и появлением политики « мягкой силы». В выводах к первому параграфу соискатель пишет, что «<...> неэффективность внутриполитических процессов в Китае, привела к усилению внешнеполитической активности с помощью использования стратегии «мягкая сила»» (дисс., с.37). Возможно это так, но хотелось бы спросить, как «неэффективность внутриполитических процессов» способствовала «усилению внешнеполитической активности» благодаря стратегии «мягкая сила»», как эта стратегия формулировалась и как фактически стимулировала

философию русского космизма? Это тем более интересно, потому что в традиционном буддизме всякая пропаганда идей считается недопустимой, ибо является насилием над личностью.

Следует отдать должное смелости и целеустремленности соискателя, который задумался над культурно-политической заинтересованностью Китая в использовании творчества И.А.Бунина в качестве инструмента влияния. Выясняя возможность решения этого вопроса, Лю Юаньюань обратилась к рецептивному методу исследования, различные виды которого она подробно осветила во втором параграфе I главы. Достоинством этой части работы является умение автора не просто изложить способы рецепции, а выявить те, которые мог использовать в своих рассказах И.А.Бунин и «встречные», избираемые китайским литературно-критическим сознанием в результате «изменений в литературной сфере и политике Китайского государства».

Во второй главе автор работы подробно знакомит нас с драматической рецепцией И.А.Бунина в Китае и дает пояснение политико-идеологическим обстоятельствам, повлиявшим на оценку и публикацию бунинских произведений. Лю Юаньюань обращает наше внимание на наличие художественного вкуса у китайского читателя, способного по достоинству оценить писательское мастерство И.А.Бунина несмотря на революционно-классовую предвзятость литературной критики, «вынужденной <...> хитрить, вкладывая в перевод рецептивный материал «с китайской революционной спецификой» (дисс., с.58). Это явное свидетельство того, что вопреки идеологическим манипуляциям немалая часть читающих китайцев сохраняла способность к непосредственному восприятию бунинского таланта. Соискатель приводит убедительные примеры влияния государственной политики на литературные интересы своих сограждан, справедливо указывая аналогичную зависимость литературы от общественно-политических реалий не только в Китае, но в СССР.

Следует отметить еще одно наблюдение Лю Юаньюань, которое, как нам кажется имеет исследовательскую ценность. Она указывает на присущее

китайцам свойство воспринимать иностранную литературу исходя из «местных потребностей», определяющих «пригодность» явлений искусства, независимо от их объективной художественной ценности. Сочетание открытости и консервативности в восприятии литературных произведений с предпочтением их полезного соответствия «местным» приоритетам говорит об уникальной культурной самодостаточности китайцев, о наличии у них естественного культурного «фильтра», отсеивающего все чуждое независимо от сотрясавших Китай политических воздействий. Культурная «отгороженность» Китая, бывшая на протяжении столетий притчей во языцех у европейских и отечественных деятелей культуры, на деле служила спасительной защитой от чуждых и неорганичных внешних влияний. Более того, автор диссертации считает, что эта «особенность <...> позволяет китайским читателям хоть как-то участвовать в формировании идеологической основы китайского общества» (дисс., с.71). Здесь возникает вопрос: быть может, это и есть один из признаков «мягкой силы», оказывающий встречное влияние на рецепцию Китая со стороны иностранных писателей? И можно ли обнаружить такое влияние в произведениях И.А.Бунина (переводы Лю Юаньюань опускает), возможно, нашедшего необходимую степень образного соответствия этим самым «местным потребностям»?

Диссертант убедительно показывает, что «мягкая сила» китайской культуры, основанная на духовно-философских воззрениях китайского буддизма, даосизма и конфуцианства, явно принимает И.А.Бунина, когда он, как полагают китайские критики, раскрывает духовные родники природной и человеческой жизни. Они единодушны в высокой оценке писателя, поскольку его «литература становится средством преодоления смерти и достижения вечности, придавая смысл человеческому опыту за пределами физического мира» (дисс., с.74). Здесь следует подчеркнуть совершенную правоту диссертанта, когда она отвергает упреки в неполноценности используемого ею рецептивного метода при обращении к заглавиям бунинских

произведений, которые китайские критики вводят в темы своих статей. Что же это еще, если не рецепция, разгадывающая феномен бунинских художественных замыслов и объективно свидетельствующая о признании таланта писателя?

Еще более значимым примером рецептивного воздействия И.С.Бунина на китайскую литературу является сопоставительный анализ его рассказов «Веселый двор» и «Легкое дыхание» с рассказом китайского классика Лу Синя «Правдивая история А-Кью» и творчеством писателя Хэ Ливэя. Как показывает автор работы, рецепция «Веселого двора» способствовала тому, что «появление «Правдивой истории А-Кью» вызвало литературный переворот в Китае». (Справедливости ради отметим, что сказовая форма повествования, которую Лю Юаньюань на 87 странице диссертации рассматривает в числе выявленных ею предметов рецепции, должна, согласно поэтике сказа, «идти» не «от лица самого автора», а от рассказчика, которого автор вводит в произведение, исходя из своих эстетических целей).

Значительный интерес представляет III глава диссертации, где дается критический обзор мнений об особенностях рецепции духовных основ восточных цивилизаций в творчестве И.А.Бунина. Лю Юаньюань смело дискутирует с российскими и китайскими литературоведами, утверждая, что Бунин видел в Востоке не «кладбище отживших цивилизаций», а «объект для духовного подражания, надежду на спасение Западного мира, что Восток «больше связан с надеждой, «царством солнца», а Запад «со смертью» (дисс., с. 107). Несмотря на неоднозначность такого вывода, соискатель права в главном: дух Востока, породившего все мировые религии, остается источником и целью всех человеческих знаний и устремлений. Он неизмеримо мощнее всех созданных о нем представлений и уж тем более не может быть подчинен цивилизации индивидуализма, комфорта и потребления. Раскрывая глубину значений бунинской рецепции Востока, автор делает важный для нее вывод о взаимном духовном притяжении писателя и источников восточной мудрости, об органическом сотворчестве

вдохновленного Востоком бунинского гения, и его отзывчивых и благодарных рецепиентов в лице китайских читателей, писателей и критиков.

Влиянию буддистской философии на И.А.Бунина диссертант придает особое значение и отводит ему отдельный параграф. По богатству мыслей и наблюдений он представляется нам наиболее значительным. Сопоставительный анализ рассказов И.А.Бунина и буддийских текстов позволил Лю Юаньюань убедительно продемонстрировать важнейшую роль духовно-философских воззрений буддизма в расширении художественного сознания и эстетических достижений писателя. Факт такого влияния в буниноведении не является новым. Но если смотреть на него с точки зрения энергий «мягкой силы» Востока, над которой размышляет соискатель, то возникает необходимость в переоценке традиционных представлений об архаичности восточных цивилизаций и в новом понимании их духовно-творческих и мировоззренческих перспектив на нынешнем поворотном этапе цивилизационного развития. Как бы там ни было, диссертация Лю Юаньюань заставляет задуматься над новыми смыслами буддистской образности в творчестве И.А.Бунина.

Адресуем автору некоторые вопросы и замечания:

1. На странице 43 автор пишет, что «<...>некоторые произведения писателей оказываются востребованными лишь по истечению определённого времени только потому, что опережали уровень культуры массового общества, отражали то, о чём было не принято писать и говорить. В этом плане культура писателя должна совпадать с культурой читателя, и наоборот, но в этом случае человек теряет себя как Личность.

Вопрос такой: если «культура писателя совпадает с культурой читателя», то почему писатель теряет себя как Личность?»?

2. Приведем еще одну цитату: «В тоже время рецепция в литературе может быть осознанным плагиатом чужих идей и материалов, которые служат основой и примером для иллюстрации личных эстетических, этических и прочих идей. Последнее определение представляется достаточно

полным и отвечает концепции «мягкая сила», но с этической стороны проблемным, требующим легитимации данного феномена».

Вопрос: возможен ли вывод, что «плагиат чужих идей отвечает государственной концепции «мягкая сила»?

3. Во введении раздел «структура диссертации» выполнен в виде автореферата. Чем вызвана эта особенность?

4. На странице 44 Лю Юаньюань называет М. М. Бахтина «основателем герменевтического подхода в литературоведении». Уточним, что герменевтический метод был основан немецкими учеными Ф.Шлейермахером и В.Дильтеем, а в русской философии и литературе начал применяться Д.С.Мережковским, В.В.Розановым, Д.Н.Овсяннико-Куликовским, Г.Г.Шпетом.

5. В Заключении к диссертации на странице 167 делается вывод: Бунин «смог преодолеть давление традиционных для российской культуры паттернов, выйти за пределы обыденного сознания большинства соотечественников, и до их значительной части донести философскую концепцию, способствующую объединению всего человечества на основе гуманистических ценностей, человеколюбия, преодоления агрессии в мире, разделённом на дворы с хозяевами и прислугой». Думается, что соискатель угодила в ситуацию, о которой сама писала в I главе, утверждая, что рецепция, порой, искажает содержание воспринимаемого факта и наделяет его чуждым значением. Бунин, безусловно, выдающийся писатель, но философско-гуманистические концепции и прежде существовали в русской литературе. Лю Юаньюань упоминает Л.Н.Толстого, но еще раньше об объединении человечества на основе человеколюбия писали А.С.Пушкин и Н.В.Гоголь. И, надо сказать, все они выжили из «обыденного сознания большинства соотечественников», создавших русскую культуру. Поэтому противопоставлять И.А.Бунина большинству его соотечественников было бы не верно.

В целом, диссертация Лю Юаньюань является новаторским исследованием, где отмечены новые свойства рецепции творчества И.А. Бунина в китайском литературоведении и поставлены проблемы, позволяющие переосмыслить устойчивые представления об архаической замкнутости китайской культуры.

Предложенные соискателю вопросы и замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и носят уточняющий или дискуссионный характер.

Результаты работы могут быть использованы в исследованиях, посвященных русско-китайским литературным связям, а также в литературоведческих и культурологических курсах, связанных с изучением проблем литературной рецепции.

Основные положения и результаты исследования прошли апробацию в 6-ти научных публикациях.

Автореферат диссертации отражает концепцию автора и основные положения диссертации.

Таким образом, работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п.2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № 12 от 23.09.2019г., а её автор, Лю Юаньюань, заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 5.9.1 - русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор кафедры

русской литературы XX–XXI веков
Института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»
Дефье Олег Викторович.....
21.05.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Московский педагогический государственный университет, Институт
филологии

Тел.: +7 (499) 246-57-12; e-mail: ruslit20@mpgu.su.

Подпись сотрудника Московского педагогического государственного университета
проф. О.В. Дефье удостоверяю:

21.05.2023

